

Conference report

Обзор конференции

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-1-295-306
УДК (048):[(549.3)+24+282](«2019»)

Обзорная статья
Review

Реки и религия. Взаимосвязи культур Южной и Юго-Восточной Азии

8-я конференция Ассоциации Южной и Юго-Восточной Азии по изучению культуры и религий¹ и выездная сессия к буддийским древностям Бангладеш

И. П. Глушкова

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: iri_glu@hotmail.com

Резюме: обзор региональной конференции (Дакка, Бангладеш, июнь 2019), аффилированной с Международной ассоциацией истории религий, представляет концептуальный анализ докладов, объединенных «речной» тематикой. Их основная масса фокусировалась на разнообразных аспектах взаимосвязанности рек как природного водотока и религий как социально-культурного конструкта, а также воздействия религиозных представлений на перекодирование географических маркеров в культурные символы. В системе иных координат реки и религии рассматривались как факторы физического и социально-политического соединения и разобщения с учетом их роли в формировании микро- и макрорегионов, в том числе таких сложных протяженностей, как Южная и Юго-Восточная Азия.

Ключевые слова: реки; Южная Азия; Юго-Восточная Азия; индуизм; буддизм; мифология; паломничество; гидрография; гидрополитика; археология; династия Палов; буддийская ступа; вихара

Для цитирования: Глушкова И. П. Реки и религия. Взаимосвязи культур Южной и Юго-Восточной Азии. 8-я конференция Ассоциации Южной и Юго-Восточной Азии по изучению культуры и религий и выездная сессия к буддийским древностям Бангладеш. *Ориенталистика*. 2020;3(1):295–306. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-295-306.

¹ Автор обзора принимала участие в конференции с докладом «An Old River, a New Story. Why a Maid and a Grind Stone are Worshipped» в рамках проекта «Под небом Южной Азии. Слуга и хозяин: региональная специфика подчинения и доминирования в контексте социокультурной гетерогенности», выполняемого по Программе РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Доклад был построен на материале двух текстов – санскритского и маратхского, созданных в жанре *māhātmya* («величальная») и посвященных восхвалению реки Годавари – в сопоставлении с данными полевых исследований в г. Гангахед, где в начале XXI в. построен храм в честь служанки Дзана-баи (конец XIII – начало XIV в.).

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Rivers and Religion. Connecting Cultures of South and Southeast Asia

The 8th South and Southeast Asian Association for the Study of Culture and Religion (SSEASR) Conference and Its Special Session at the Buddhist sites of Bangladesh

I. Glushkova

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation
e-mail: iri_glu@hotmail.com

Abstract: the report of the regional conference (Dhaka, Bangladesh, June 2019) affiliated with the International Association for the History of Religions presents conceptual analysis of the papers brought together by the ‘river’ theme. Most of them focused on various aspects of the reciprocal connection and interdependence of rivers as natural water resource and religions as a socio-cultural construct. It also provides an analysis of the impact of religious beliefs on the recoding of geographical markers into cultural symbols. Similarly, the rivers and the religions are regarded as factors of physical and socio-political connectivity and disconnection in the context of their role in the formation of micro- and vast macro-regions, such as the South and South-East Asia.

Keywords: rivers; South Asia; Southeast Asia; Hinduism; Buddhism; pilgrimage; hydrography; hydro-politics; archaeology; Buddhist stupa; *vihara*

For citation: Glushkova I. Rivers and Religion. Connecting Cultures of South and Southeast Asia. The 8th South and Southeast Asian Association for the Study of Culture and Religion (SSEASR) Conference and Its Special Session at the Buddhist sites of Bangladesh. *Orientalistica*. 2020;3(1):295–306. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-295-306.

30 января 2019 г. Высокий суд Дакки вынес историческое решение, в котором признал реку Тураг юридическим лицом, т.е. живым существом, с тем, чтобы оградить ее от противоправных посягательств, умертвляющих одну из главных водных артерий Бангладеш [*Dhaka Tribune*. 30.01.2019]². Через несколько месяцев Верховный суд страны распространил этот статус на все реки, протекающие по ее территории, заявив в 283-страничном постановлении: «Наша любимая Бангладеш выживет только в том случае, если ее реки будут защищены», – и назначил Национальную комиссию по сохранению рек их официальным опекуном [*Daily Sun*. 01.06.2019]. Этот вердикт фактически стал финальным аккордом состоявшейся в бангладешской столице 13–16 июня 2019 г. в Университете либеральных искусств 8-й конференции Ассоциации Южной и Юго-Восточной Азии по изучению культур и религий (SSEASR). На этот раз региональный форум Международной ассоциации истории религий (IAHR) был посвящен теме «Реки и религия. Взаимосвязи культур Южной и Юго-Восточной Азии».

² Для сравнения: в октябре 2017 г. Верховный суд Индии отменил аналогичное решение Высокого суда штата Уттаракханд в отношении рек Ганги и Ямуны, согласившись с «коммерческим» подходом к реке и приняв в качестве довода предположение, что легальный статус реки повлечет за собой ее ответственность за наводнения [*The Times of India*. 07.07.2017].

Речное изобилие

«Страна тысячи рек» (*hajār nadīr deś*), Бангладеш занимает уникальное географическое положение, располагаясь в самой большой дельте мира, сформированной многочисленными рукавами Ганги и Брахмапутры. Ее столица – Дакка – на берегу Буриганги, т.е. «Старой Ганги», утратившей выход к Бенгальскому заливу и ставшей рукавом между собственно Гангой и Брахмапутрой, возникла из скопления деревень на ее левом берегу и нескольких крепостей, строительство которых инициировал могольский губернатор Бенгалии Ислам-хан Чишти после переноса туда в 1610 г. своей штаб-квартиры. Через систему притоков и каналов Буриганга, важная транспортная артерия страны, соединена со множеством других водных путей, но нынешнее состояние – черный цвет и неприятный запах в черте 17-миллионной Дакки – свидетельствует о ее биологическом неблагополучии³: она занимает 4-е место, сразу после индийской Ганги, в десятке самых загрязненных рек планеты.

170 докладов, прочитанных учеными из 30 стран, редко обходились без преамбулы о великих цивилизациях, которые зарождались по берегам рек, а также отсылок к главным рекам Южной и Юго-Восточной Азии – Ганге и Меконг («Мать вод Ганга»!), чьи бассейны с учетом связанных с ними прочих речных систем определяют в широком смысле культуру обоих регионов – от бытовых привычек до философских систем, мифологических концепций и ритуальных практик. Источники жизни, реки с незапамятных времен находятся в фокусе религиозного внимания. Еще в гимнах «Ригведы», первого памятника древнеиндийской литературы, воспевалась река Сарасвати, обладавшая в те доисторические времена титулом великой и впоследствии сгинувшая где-то на просторах Курукшетры – поля, где состоялась великая индийская битва между родственными кланами героев из эпоса «Махабхарата». Эпоха пуран, священных собраний легенд этиологического характера, принесла возвышение Ганге (реке-женщине, а не Гангу, как ошибочно закрепилось в русском языке с мутацией рода и пола), и она же позаимствовала множественные черты, характерные для обожествленной Сарасвати.

Уточнение тематического диапазона конференции осуществлялось за счет предварительно оговоренных 15 направлений: «Связь речных путей и религии в Южной и Юго-Восточной Азии», «Святость рек, речных берегов и [обитающих вдоль] рас», «Главные реки и их долины: жизненные артерии Южной и Юго-Восточной Азии», «Священные места (*tīrtha*) и паломничества Южной и Юго-Восточной Азии», «Культура и речной экотуризм в Южной и Юго-Восточной Азии», «Понимание взаимодействия воды и духовности», «Водные пути Читтагонга и Дакки: социокультурное воздействие на формирование открытого городского пространства» и др.

³ О «смерти» самой Дакки см.: [1, с. 576–578].

Речная тематика «Ригведы» предсказуемо оказалась в фокусе внимания сразу нескольких докладов: одни обсуждали благоденственную мощь рек (Випашу, Сарайю, Шутудри, Синдху [Инд] и др.), сопоставимую с неограниченными возможностями Камадхену («[та, из которой] выдоены желания»), волшебной коровы индийской мифологии; другие были посвящены метафорическому восприятию женской природы рек в терминах родства и свойства (реки как матери, сестры, жены) и половой специфики (соитие с океаном-мужчиной)⁴; третьи концентрировались на характеристике главной реки ведийской эпохи – Сарасвати, ее локации в древности и переходу в невидимое существование, – но не в Курукшетре, а на расстоянии 850 км – в качестве участницы тройственного слияния (*trivenī*) – Ганги, Ямуны / Джамны и Сарасвати в районе современного Праяг-раджа (до недавнего времени Аллахабада, ранее Праяга). Также ожидаемым было внимание к поэме «Облако-вестник», в которой древнеиндийский поэт Калидаса излагает свои представления о топографии и речном богатстве Индийского субконтинента (Рева [Нармада], Ветравати [Бетва], Гамбхира, Чарманавати [Чамбал], Ганга и др.), вкладывая их в напутствие демонического существа летящему над землей облаку⁵. Гимн Ганге

⁴ Этому аспекту посвящена монография американской исследовательницы Энн Фелдхаус – «Вода и женское естество. Религиозное значение рек Махараштры» [2]; об этой книге и одну из глав в моем переводе см.: [3; 4].

⁵ Трудно удержаться от искушения не сопоставить два фрагмента в переводе с санскрита на русский Д. Риттера и С. Липкина (по подстрочнику Б. Захарьина):

1а. Над рощами, убежищем лесных дикарок, обождавши,
Излив немного влаги, станешь легче и, помчавшись дальше,
Увидишь Реву близ Виндхйских гор: бегут струи по камням,
Разбившись, как морщинки, что слона узором покрывают [5, с. 261 (Риттер)];

1б. И, отдохнув на горном ложе,
чь травы тешат женский взор,
И дождь излив, ты станешь легче
и быстро выйдешь на простор,
Увидишь Реву, чьи протоки
Дробятся близ Виндхйских гор:
Как будто на слоновьем теле –
Морщин затейливый узор [6, с. 307 (Липкин)].

2а. Добравшись до столицы их, прославленной везде Видиши,
Ты, как любовник, утолишь свиданья страстное желанье,
Испивши поцелуй Ветравати: она бурлит волнами
И хмурится, как женщина, заслышав гром над берегами [5, с. 262 (Риттер)];

2б. Войди в столичный град Видишу,
прославленный в любом краю:
Здесь утолишь ты, облак-вестник,
страсть многомогущую свою.
Испей воды из Ветравати:
взглянув на ломкую струю,
Я женщину, что хмурит брови,
в ее изгибе узнаю [6, с. 309 (Липкин)].

в соединении с подвигом Шивы, о чью голову, упав с небес, разбился и растекаясь по земле мощный поток, был пропет знаменитым пандитом Джаганнатхой в изысканной поэме *Ġaᅇgālaharī* («Течение Ганги», XVI в.), ставшей объектом анализа с точки зрения использования тропов. Самая первая небесная струя, однако, излилась на гору Брахмагири (Западная Индия), откуда в юго-восточном направлении потекла река Годавари, известная поэтому как «Старшая» и / или «Южная» Ганга, о чем рассказывают санскритская *Gautamī* (по имени мудреца)-*māhātmya* и созданная на ее основе «речная величальная» на языке маратхи – этот сюжет с привлечением этнографических данных из маленького городка Гангахед лег в основу моего, единственного российского, доклада. Археологическое наследие бангладешской Ганги, превратившейся после слияния с местной Джам(у)ной в 120-километровую Падму (чьим ответвлением является упомянутая выше Буриганга), а ближе к впадению в Бенгальский залив в Мегхну, также привлекло внимание исследователей. Наконец, порожденные славословием Ганги метафоры распространились не только по разным видам литературы, но и визуально-материальным жанрам – от апофеоза ранней скульптуры до условной патетики современной живописи, что также стало темой ряда выступлений.

Безусловно, не остались без внимания конкретные локусы на Ганге – преимущественно тиртхи, т.е. святые места возле воды. Так, знаменитый Праяг / Аллахабад / Праяг-радж и тройственное слияние в конкретный исторический период (1830–1831) были реконструированы на основе писем телужанского брахмана Энугулу Вирасвами своему другу⁶. А этические вопросы (что большая редкость!) предпринимательства в североиндийском Уттаракханде, взрощенного сакральностью Бхагиратхи, одного из двух истоков горных верховий Ганги, были подняты на материале полевых исследований местных паломнических практик и сложных взаимоотношений «хозяев» и «гостей». Гидрополитика, формируемая промышленным использованием рек в качестве энергетических источников, была рассмотрена как причина религиозных конфликтов, вызываемых сплошной трансформацией биофизического и культурного ландшафтов и практикой насильственного переселения. Продолжение «рыночной» тематики в секулярных точках на границе Индии и Мьянмы, проходящей по Чхимтуипуи в индийских штатах Мизорам и Манипур и той же реке под названием Каладан со стороны мьянмских Чина и Сагаинга, наоборот, показало преимущество трансграничного торгового обмена для процветания небольших населенных пунктов. Наконец, тема «плавающих» рынков, магазинов, праздников и т.д. неоднократно звучала применительно к Бангладеш и прорезанным водными артериями регионам Юго-Восточной Азии, и вводила в глубь веков в гончарное производство на

⁶ См. подробнее: [7; 8, с. 383–387].

средневековой Брахмапутре. Как раз гидрографическая история Брахмапутры, начатая первым картографом Ост-Индской компании Джоном Рэннеллом⁷ по итогам его исследований 1781 г. и в 1870-х гг. продолженная индусскими пандитами их участием в английских трансгималайских экспедициях в поисках речных истоков, стала одним из самых восхитительных «речных экскурсов» конференции. Кроме того, Брахмапутра, выходящая из Китая в Индию и уходящая оттуда в Бангладеш, а также меняющая на протяжении всего русла названия, играла особую роль в древнем царстве Ахом и, будучи важным природным фактором, превратилась в культурную икону современного Ассама, благодаря лирике популярного ассамского певца Бхупена Хазарики.

Некоторая часть докладов в действительности была посвящена диахроническому и синхронному описанию конкретных рек по всей их протяженности. Среди них: главная река Мьянмы Эйвади / Иравади, бывшая важным торговым путем между Индией и Китаем; сыгравшие огромную роль в становлении непальской цивилизации и одинаково священные для индусов и буддистов Бишнумати и Багмати с расположенными на их берегах паломническими центрами и местом их священного слияния; река Кабодак, она же Копотхакхо, ностальгически воспеваемая в сонете бенгальского поэта XIX в. Майкла Модхушудона Дотто; Кавери, главная река индийского Юга и еще одна «Южная Ганга», более «южная», чем Годавари; священная Тамбипарани, или Тапробана у древних греческих авторов, текущая в тех же краях, в чьем гидрониме отражается цвет окрашенного медью песка по ее берегам; впадающая в Гангу на границе Бихара и Уттар-Прадеша проклятая река Карманаса, собственным именем указывающая на свою способность разрушать карму того, кто осмелится ее пересечь, и т.д., в том числе, микрорегионального значения реки, чья малоизвестность придавала особый вес лишенным банальных обобщений докладам.

Одновременно изобилие case studies нарративного толка практически вытеснило научную задачу их осмысления в дискурсе нового направления – *eco-art history*, т.е. истории художественного видения / преобразования экологической среды, что составляет важный потенциал речной тематики в соединении с религией. Поэтому многие известные, «вневременные», сюжеты звучали по-старому, не став объектом приложения новых методологий и подходов, которые сами могли бы стать полноценной темой отдельной секции с обсуждением новейших работ в этом жанре⁸.

⁷ О вкладе Д. Рэннела в картографирование Индии см.: [9, с. 8–31; 10, с. 712–739].

⁸ См., например: [11–13 и т.д.]. В русском языке также отсутствует устоявшееся соответствие для нового направления *eco-art history*.

Буддийский компонент

Народная Республика Бангладеш, ранее Восточный Пакистан, провозгласила свою независимость от политически доминирующего Западного Пакистана в 1971 г. после нескольких месяцев кровавых военных действий. В настоящее время это моноэтническое государство (98% бенгальцев) с населением около 164 млн⁹, более 90% которого исповедуют ислам, занимает 3-е место по числу мусульман после Индонезии и Пакистана. Однако главный организатор и распорядитель Конференции – проф. Шахназ Хусне Джахан (Shahnaj Husne Jahan), директор Археологического центра Университета либеральных искусств, – человек широкой души и обширных знаний, не могла оставить без внимания уникальное буддийское наследие Бангладеш, поэтому часть докладов, хотя и без «речных» ассоциаций, была выделена в отдельную секцию.

В современной Бангладеш буддизм исповедуют (по разным источникам) от 0,7% до 2,0% населения. 65% от этих показателей обитают в Читтагонском горном районе на крайнем юго-востоке страны и принадлежат к этническим группам чакма, марма, джумма и другим представителям коренного населения, в том числе сино-тибетского происхождения. Эта разновидность буддизма-тхеравада, известная как *Saṅgharāj Nikāya*, внедрялась здесь с середины XIX в. странствующими монахами и повсеместно заменила реликты традиционных форм. Остальные 35%, собственно бенгальцы, проживают в самом Читтагонге, одном из древнейших портов мира, и в Дакке. Однако уникальность Бангладеш состоит в ее историческом буддийском наследии и в его концентрации, поскольку кроме географического расположения в восточной части субконтинента, традиционно связанной с зарождением и расцветом буддизма, именно через торговые пути, пролежавшие по территории современной Бангладеш, эта религия распространялась в Юго-Восточную Азию. Выступления на основе материальных свидетельств, обнаруженных при раскопках многочисленных курганов, подтверждали этот вектор сходными мотивами и элементами в буддийской архитектуре, скульптуре, деталях декора и т.д.

После вступительных докладов «буддийская секция» вышла за пределы охлаждаемых помещений и продолжила работу под открытым небом при 36-градусной жаре и приближающейся к максимальным показателям влажности. Во время четырехдневной поездки с остановками возле выдающихся памятников буддийского наследия «речной» компонент вернулся в нашу программу в своем первоизданном виде: делегаты пересекли реку Джам(у)ну по самому длинному в Бангладеш мосту (по разным источникам, от 4,6 до 4,8 км длиной) и в дальнейшем кружили между многочисленными притоками Ганги-Падмы и хаотично прорытыми оросительными каналами Брахмапутры и других рек.

⁹ <https://www.worldometers.info/world-population/bangladesh-population/>

Рис. 1. Сомапуре: буддийская гордость Бангладеш. Фото автора
Fig. 1. Somapura, the Buddhist pride of Bangladesh. Photo by the author

Рис. 2–3. Терракотовые пластины на внешних фризах маха-вихары. Фото автора
Fig. 2–3. The sculptured terracotta plaques from the exterior friezes of the mahavihara.
Photo by the author

Первый доклад «выездной сессии» прозвучал в деревне Пахарпур (в северной области Раджшахи) возле Сомапуре-махавихары, включенной в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО¹⁰. Этот крупнейший на Индийском субконтиненте древний университет-монастырь был предположительно выстроен Дхармапалой (781–821), вторым царем из династии Палов, великих покровителей буддизма, и включен в систему пяти главных вихар Магадхи (современный Бихар) и Бенгалии (Бангладеш) наряду с Викрамашилой, Наландой, Одантапури и Джагадалой. Все эти заведения, как непосредственно «в поле» продолжили в своих выступлениях делегаты, были связаны общим подходом к буддийскому образованию. В центре Сомапуре-махавихары возвышается грандиозная ступа, по нижнему периметру которой расположены вписанные в квадрат 117 монашеских келий. В XI в. махавихара горела, была восстановлена и окончательно заброшена после прихода в эти края в XII в. ислама. Покрытое семивековыми наслоениями, древнее сооружение-курган¹¹ было обнаружено в 1810-х гг. шотландским хирургом Фрэнсисом Бьюкененом-Гамильтоном, помимо основных обязанностей обладавшим энциклопедическими познаниями в ботанике, зоологии, топографии, архитектуре и других областях; позднее здесь бывал инженер и знаток археологии Александр Каннингхэм, в 1861 г. возглавивший Археологическую службу Индии. Наконец, в 1914 г. Сомапуре-махавихара была признана охраняемым государством монументом в соответствии с принятым в Британской Индии при активном лоббировании вице-короля лорда Керзона «Законом о сохранении исторических памятников» (1904), но ее более или менее систематическое изучение началось в 1920-х, а научная реставрация – в 1980-х гг., в том числе на гранты, выделяемые ЮНЕСКО.

Чтение докладов о буддийских монастырях и ступах продолжилось на северо-западе Бангладеш, недалеко от границы с Индией, вблизи Джагадала-махавихары, основанной, возможно, Рампалой (1077–1120), одним из последних царей династии, и еще в ряде мест, перечисление и описание которых нарушит строгий жанр конференционного обзора. Наконец, полное погружение в историю переплетенного с индуизмом буддизма, археологии и архитектуры завершилось на холмах Махастангарха, или укрепленной цитадели Пундранагара, древней столицы царства Пундравардхана, недалеко от города Бог(у)ра, едва ли не самого древнего в Бангладеш. Пундранагара – самый ранний из обнаруженных в Бангладеш (все тем же неутомимым Фрэнсисом Бьюкененом-Гамильтоном) уникальный полис, датируемый III в. до н.э. – эпохой империи Маурья, существовал вплоть до XII в. и династии Сенов. С начала 1990-х гг. здесь под эгидой французских археологов забурилась новая жизнь.

¹⁰ <https://whc.unesco.org/en/list/322/>; <http://en.banglapedia.org/index.php?title=Paharpur>

¹¹ Отсюда возникло новое название – Пахарпур, «гора-поселение», вместо первоначального Сомапуре, «обитель луны».

Рис. 4–5. Махастхангарх: буддийский монастырь и цитадель древнейшего города, обнаруженного на территории Бангладеш. Фото автора

Fig. 4–5. Mahasthangarh, the Buddhist monastery and the earliest urban archaeological sites discovered in Bangladesh. Photo by the author

8-я конференция Ассоциации Южной и Юго-Восточной Азии по изучению культур и религий с безупречно выбранной в качестве фокуса «речной» темой и талантливо соединенной с ней «буддийской» экскурсией стала, по отзывам участников, важным академическим прорывом: она позволила уйти от дискретности единичных усилий и вписать собственный опыт в картину непрерывной текучести «живых существ» сразу двух макрорегионов, соединив при этом последние друг с другом. В конце концов, даже экзоним «Индия», на протяжении многих веков использовавшийся для дефиниции этого пространства, был изобретен чужеземцами, греками и персами, увидевшими землю «по ту сторону Инда», т.е. реки Sindhu, что превращает хорошо известное нам слово в речной гидроним.

Литература

1. Ахсан Сайид Бадрул. Дакка, которой больше нет. В: Глушкова И., Бочковская А. (ред.) *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М.: Наука; Восточная литература; 2016. С. 576–578.
2. Feldhaus A. *Water and Womanhood. Religious Meaning of Rivers in Maharashtra*. New York: Oxford University Press; 1995.
3. Глушкова И. П. О книге Э. Фелдхаус «Вода и женское естество. Религиозное значение рек Махараштры». *Этнографическое обозрение*. 1997;(3):56–59.
4. Фелдхаус Э. Вода и женское естество. Религиозное значение рек Махараштры. Глава первая. Горы, реки и Шива. *Этнографическое обозрение*. 1997;(3):59–73.

5. Калидаса. Облако-вестник, поэма. В: *Калидаса*. М.: Художественная литература; 1956. С. 261–262.

6. Калидаса. Облако-вестник. В: Липкин С., Захарьин Б. (пер.) *Калидаса. Избранное. Драммы и поэмы*. М.: Художественная литература; 1973. С. 307–309.

7. Rao Velcheru Narayana, Subrahmanyam Sanjay. Circulation, Piety, and Innovation: Recounting Travels in Early Nineteenth-Century India. In: Marcovitz Claude et al. (eds). *Society and Circulation. Mobile People and Itinerant Cultures in South Asia, 1750–1950*. New York: Anthem Press; 2006. P. 306–355.

8. Глушкова И. *Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиртха-ятры*. М.: Наталис; 2008.

9. Глушкова И. О проекте «Под небом Южной Азии». Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее. В: Глушкова И., Бочковская А. (ред.) *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М.: Наука; Восточная литература; 2016. С. 8–31.

10. Глушкова И. Геокартоидный парад, или Визуальная стабилизация индийского федерализма. В: Глушкова И., Бочковская А. (ред.) *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М.: Наука; Восточная литература; 2016. С. 712–739.

11. Amrith Sunil. *Unruly Waters: How Mountain Rivers and Monsoons Have Shaped South Asia's History*. London: Allen Lane; 2018.

12. Ray S., Madipatti V. (eds). *Water Histories of South Asia. The Materiality of Liquescence*. Abingdon, Oxon: Routledge; 2019.

13. Lee De-nin D (ed.). *Eco-Art History in East and Southeast Asia*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishers; 2019.

References

1. Ahsan Sayid Badrul. Dhaka is no more. In: Glushkova I., Bochkovskaya A. (eds) *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura; 2016, pp. 576–578. (In Russ.)

2. Feldhaus A. *Water and Womanhood. Religious Meaning of Rivers in Maharashtra*. New York: Oxford University Press; 1995.

3. Glushkova I. P. About the book *Water and Womanhood. Religious Meaning of Rivers in Maharashtra* by A. Feldhaus. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1997;(3):56–59. (In Russ.)

4. Feldhaus A. *Water and Womanhood. Religious Meaning of Rivers in Maharashtra*. First chapter. Mountains, rivers and Śiva. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1997;(3):59–73. (In Russ.)

5. Kalidasa. Meghadūta, a poem. In: *Kalidasa*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1956, pp. 261–262. (In Russ.)

6. Kalidasa. Meghadūta. In: Lipkin S., Zaharyin B. (transl.) *Kalidasa. Favorites. Dramas and poems*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1973, pp. 307–309. (In Russ.)

7. Rao Velcheru Narayana, Subrahmanyam Sanjay. Circulation, Piety, and Innovation: Recounting Travels in Early Nineteenth-Century India. In: Marcovitz Claude et al. (eds). *Society and Circulation. Mobile People and Itinerant Cultures in South Asia, 1750–1950*. New York: Anthem Press; 2006, pp. 306–355.

8. Glushkova I. *Mobility and Endeavour. Theory and Practice of Tirtha-Yatra*. Moscow: Natalis; 2008. (In Russ.)

9. Glushkova I. About the 'Under the Skies of South Asia' project. Conceptualization of spatial segments in the context of political and cultural territoriality. Past, present and future. In: Glushkova I., Bochkovskaya A. (eds). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura; 2016, pp. 8–31. (In Russ.)

10. Glushkova I. The logo-map parade, or Visual stabilization of the Indian federalism. In: Glushkova I., Bochkovskaya A. (eds). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura; 2016, pp. 712–739. (In Russ.)

11. Amrith Sunil. *Unruly Waters: How Mountain Rivers and Monsoons Have Shaped South Asia's History*. London: Allen Lane; 2018.

12. Ray S., Madipatti V. (eds). *Water Histories of South Asia. The Materiality of Liquescence*. Abingdon, Oxon: Routledge; 2019.

13. Lee De-nin D (ed.). *Eco-Art History in East and Southeast Asia*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishers; 2019.

Информация об авторе

Глушкова Ирина Петровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра индийских исследований Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Irina Glushkova, Ph. D. habil. (Hist.), Ph. D. (Linguist.), Principal Research Fellow, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 января 2020 г.

Принята к публикации: 8 февраля 2020 г.

Article info

Received: January 17, 2020

Accepted: February 8, 2020